

5
русс

У нас никогда не было секса

Оксана Тимофеева

Европейский университет в Санкт-Петербурге

У нас никогда не было секса

Аннотация

В статье предлагается оригинальный подход к анализу сексуальной экономики войны. Лакановская формула «сексуальных отношений не существует» пересматривается в свете идеи о том, что секс — очеловечивающая практика, автор отталкивается от заявления Донны Харауэй: «Мы никогда не были людьми». Эта идея противопоставляется популярным метафорам животности и естественности человеческой сексуальной жизни. По мысли Жоржа Батая, секс, или, скорее, эротизм — это не то, что превращает людей в животных, а, напротив, животных в людей: подобно труду у Энгельса, он представляет собой центральный принцип антропогенеза. Для Батая эта трансформация является событием, которое маркирует переход от доисторического к истории и возникновение исторического человечества. В статье этот аргумент принимает парадоксальный оборот, выдвигается гипотеза, в соответствии с которой такое трансформативное событие еще не произошло: в современном капиталистическом обществе люди занимаются не сексом, а «мастурбацией с живым партнером» (Славой Жижек), при этом целостность личности замещается

частичными объектами. Этот аргумент находит поддержку в пародии Андрея Платонова на мастурбацию и его критике «Антисексуса», который является одновременно мастурбаторным и антисексуальным (т. е. предотвращающим сексуальные отношения). В статье показывается, что в текстах Платонова есть примечательный разрыв между двумя пониманиями секса: как «души буржуазии», которая должна быть преодолена сознанием пролетариата, и как чего-то, что должно быть отложено до тех пор, пока не будет построено коммунистическое общество. Анализируется конституитивность этого разрыва для радикального революционного аскетизма Платонова.

Ключевые слова

Андрей Платонов, война, Жорж Батай, мастурбация, секс

I

«Занимайтесь любовью, не войной», — так звучит лозунг, ассоциирующийся как с сексуальной эмансипацией в США и Европе в 1960-х гг., так и с пацифистским движением против войны во Вьетнаме. «Похоже, что эти ребята не способны ни на то, ни на другое», — шутил о протестующих, которые провозгласили это в Калифорнии в 1967 г., Рональд Рейган (D'Souza 1999: 71). «Эти ребята» хотели заниматься любовью вместо войны мирно и осознанно, использовать свободную любовь, т. е. «полиморфную сексуальность» (Маркузе 2003: 241), коллективные формы экспериментального промискуитета и разнообразные телесные удовольствия как революционное средство против буржуазного общества, состоявшего из репрессивных нуклеарных семей и устаревшей морали. Они думали, что в любви возможны честность и равенство, и что товарищество и солидарность начинаются в постели.

Однако в итоге за сексуальной революцией 1960-х и 1970-х гг. в Соединенных Штатах и Европе не последовало революции политической (странное эхо Октябрьской революции 1917 г., которая, с точностью до наоборот, не принесла сексуального освобождения).¹ Свободная любовь повернула все слева направо: лежащая в ее основе идея изменения мира постепенно превратилась в императив изменения индивидуального отношения к миру, а сексуальные экспе-

¹ О сексуальной реакции в Советском Союзе как провале революции см.: (Райх 1997: 205–347).

рименты стали неотъемлемой частью буржуазной культуры. Ее освободительная энергия рассеялась во взаимных соглашениях, контрактах и расчетах, призванных обеспечить равное количества оргазмов и телесных удовольствий, потребляемых независимыми партнерами, которые уважают права и личное пространство друг друга и избегают реакционных чувств (в том числе любви как зависимости, ревности как собственности и т. д.), которые могли бы угрожать их индивидуальной автономии и внутреннему миру.²

С тех пор так много занимались любовью, столько тел сотрясались в мирных оргазмах, но в то же время так много велось — и сейчас ведется — войн, так что становится ясно, что любовь, какой бы свободной она ни была, на самом деле не представляет реальной альтернативы войне. Напротив, похоже, что между ними есть что-то глубоко общее: речь не только о том, что — как нас учит массовая культура и популярная психология — во всякой любовной игре есть элемент борьбы, но и о том, что в любви и войне видят то, что определяет сущность человека (считается, что животные спариваются, но не занимаются любовью, или дерутся, но не ведут войн).

Это, конечно, абсолютно банальный способ говорить о нечеловеческих животных. До того как классическая антропоцентрическая парадигма начала подвергаться серьезной критике, повсеместно утверждалось, что животные, например, смотрят, но не видят настоящему, что у них есть голос, но нет настоящего языка, что у них есть некие естественные потребности, но не настоящие желания, некие импульсы, но не настоящие влечения, и т. д. Короче говоря, они делают что-то или имеют что-то, но это что-то еще не наделено тем смыслом, каким оно наделено для нас, людей; они делают или имеют лишь что-то *простое* (потребности, секс, драка), тогда как мы делаем или имеем что-то *особенное* или даже *настоящее* (желание, любовь, война).

Этой метафизической стратегии проведения линии различия между человеческими и нечеловеческими животными широко противопоставляются сегодня либо очевидные указания на то, что нечеловеческие животные на самом деле любят, говорят, мыслят, желают и т. п. (фактически тем самым утверждается, что они тоже люди) (см.: Rowlands 2002), либо разоблачения злой, репрессивной, насильственной природы разума, языка, любви и прочих «официально» человеческих вещей — не говоря уже о войне. И тем не менее в том, что касается любви и войны, я сошлюсь на эту старую скомпрометированную стратегию разделения человеческого и нечеловеческого, чтобы отыскать другую возможность, до этого совсем неразличен-

² См. переписку автора с Николаем Олейниковым (Олейников 2013: 69–100).

ную, а именно возможность настоящей любви — или настоящего секса, — которых у нас никогда раньше не было.

Хотя это может выглядеть довольно грубо и вызвать серьезные возражения, здесь я полагаюсь на язык и отождествляю — лишь условно — любовь и секс. Я просто использую выражение «заниматься любовью» как другой способ говорить о занятии сексом, и как бы сомнительно это ни было, я нахожу предельно важным тот факт, что, хотя на более высоком уровне абстракции любовь и секс предстают двумя совершенно разными вещами, если не противоположностями, это грубое отождествление тем не менее существует и упорствует в нашем повседневном языке. Не приводит ли это нас на самом деле к некоей бессознательной истине (или бессознательному желанию), явленной в повседневном языке: заниматься любовью и заниматься сексом должно быть одним и тем же?

Это не имеет никакого отношения к расхожим местам и двойным стандартам морали, навязывающей иллюзию, что у нас есть свободный выбор между просто сексом (который называют «животным») и настоящим сексом «по любви». Я сознательно «принимаю» секс за любовь, чтобы не принять за секс или любовь что-нибудь другое, а именно мастурбацию или порно. Я утверждаю, что в условиях капитализма, который ведет непрерывные войны за расширение рынков, различие между сексом и порно и между сексом и мастурбацией существеннее, чем различие между сексом и любовью. Поэтому главный вопрос этого эссе мог бы звучать так: каково отношение между сексуальным бытием человеческого животного и капитализмом, и почему существует война?

Чтобы подступиться к этому вопросу, необходимо сперва оставить позади распространенное наивное убеждение, что секс возвращает нас к нашим природным корням, делает нас дикими как звери и т. д. Да, в сексе есть некий элемент зверства, но он обладает высокой степенью сложности и совсем далек от так называемой непосредственной естественной животности, которая до сих пор обитает в некоем мифическом раю. Такая наивная вера в естественность (и вместе с тем в красоту и невинность) всех телесных функций, включая сексуальные, была одним из ложных знамен, которые завели сексуальную революцию 1960-х и 1970-х гг. в тупик, но которые все еще продолжают подниматься разнообразными нью-эйджевыми утопиями и духовными движениями в поисках подлинного истока вселенной и рода человеческого. Не существует никакой естественной сексуальности, которой можно было бы мирно и счастливо наслаждаться в ее разнообразных проявлениях. Человеческое животное ведет войны и пытается найти способы заниматься любовью во время войны. Других вариантов нет: если и есть мир, то он не на наших скомканных простынях, а в одиночестве наших могил, на кладбищах, где мы, якобы, (у)покоимся.

«Отнюдь не составляя естественной основы человеческой жизни, сексуальность оказывается именно той территорией, на которой люди отделяются от природы: половое извращение или бурная страсть совершенно чужды животному миру», — пишет Славой Жижек в «Меньше чем Ничто» (Žižek 2012b: 440). В этом пассаже он критикует Гегеля, который «описывает, как через посредство культуры естественная субстанция сексуальности окультурируется, преодолевается», упуская, однако, такой важный момент, как «избыток негативности», посредством которого человеческая сексуальность «не только трансформируется или цивилизуется, но радикальным образом *изменяется в своей собственной субстанции*», так что вместо естественной сексуальности мы имеем дело с этой абсолютно «метафизической» неестественной страстью, которую пытаемся приручить. Этот избыток негативности, не замеченный Гегелем, открывает простор «необузданности», определяемой Кантом как та полная насилия свобода, из-за которой человек, в отличие от животного, нуждается в господине» (Žižek 2012b: 440–441). На место культурного отрицания природы у Гегеля Жижек, таким образом, ставит человеческую сексуальность как дикий избыток неестественной негативности, который должен быть приручен.

Важный вклад в анализ этой избыточной негативности вносит не столько даже Лакан, являющийся, конечно, непосредственным (и неиссякаемым) источником вдохновения для Жижека, сколько Жорж Батай. И даже если его философия трансгрессии была квалифицирована Лаканом как психоз, сравнимый со случаем Шребера (Lacan 1971: 101), а сам Жижек, отмечает Райдер, подозревает его в «безответственном нигилизме» (Ryder 2010: 94–108), именно избыток негативности есть то, что, с точки зрения Батая, противопоставляет человеческую сексуальность (он настаивает на том, чтобы именовать ее *эротизмом*) «простому» животному сексуальному поведению. «По существу, эротизм представляет собой сексуальную активность человека, противопоставленную сексуальной активности животных», — пишет он в «Истории эротизма» (Батай 2007: 17). Животные Батая попросту пребывают в непосредственности и имманентности природы, в ее, скажем так, позитивной непрерывности и наслаждаются там неограниченной сексуальной свободой. В дуалистической (анти)философии Батая животные несомненно остаются утопической фигурой природной имманентности, в которую также верят некоторые поборники сексуального освобождения и мирные нью-эйджеры. Однако решающее отличие в том, что, по мысли Батая, у человека нет никакого прямого доступа к непрерывности природы — и это уже аргумент, который имеет смысл вне зависимости от того, существует ли такая непрерывность. Сексуальная жизнь человека не естественна, но эротична, т. е. опосредована множеством запретов, предписаний и ритуалов. Граница же запрета, за

которой лежит природа, — это именно линия отрицания: «Человек — это животное, которое отрицает природу» (Батай 2007: 44).

Такое отрицание природы у Батая представляет собой не преодоление или диалектическое снятие (*Aufhebung*), как это было у Гегеля, а, скорее, насильственное исключение: «Формы животности оказались исключенными из ясного мира, который имел смысл человечности» (Батай 2007: 44). Тотальная трансформация природы — это спектакль: природа не уничтожается, не трансформируется по-настоящему, но исключается; такие вещи, как смерть, беспорядочные половые связи, менструальная кровь, кровосмешение или испражнения не становятся более возвышенными или культурными, но остаются за границей запрета — так появляется область сакрального насилия (и так, в конечном итоге, животные становятся богами). Можно сравнить это с вытеснением в психоаналитическом смысле: появление сакрального из исключенной природы на уровне социальной организации параллельно возникновению бессознательного из исключенной животной сексуальности и инстинктов на уровне индивидуальной психологической жизни. Последний момент отсылает к тому, что Фрейд в «Неудовлетворенности культурой» описывал как органическое вытеснение, которое произошло, когда человек перешел к прямостоянию (Фрейд 1998: 136–243).

После этого отрицания естественной животности — первого шага батаевского человечества — пути назад нет. Нет ничего менее животного и естественного, чем наши глубоко укорененные в религиозной традиции всесторонне опосредованные ритуалы оргии, любви, проституции (начиная с сакральной или храмовой проституции) или бракосочетания. Эта же логика может быть применена к сексуальному освобождению: когда цивилизованный западный человек в современном капиталистическом обществе практикует промискуитет в сообществе и экспериментирует с удовольствиями, это не имеет ничего общего с возвратом к животному истоку, который он ищет, но напротив, представляет еще один уровень отдаления от него. Секс не делает нас животными. Согласно Батаю, он однажды сделал нас людьми, и с тех пор наша жизнь несет на себе рану этого насильственного разрыва с животностью, нередуцируемым материальным следом которой навеки является наше тело, подвергаемое попытке эротического желания, которое стремится к непристойности и извращению. Именно эта стихия избыточной неестественной негативности обуславливает наше желание и делает его предметы столь притягательными для нас.

Непристойность заслуживает особого внимания в этом отношении. Батай говорит о ней как «не об объекте, но об отношении между объектом и сознанием человека» (Батай 2007: 38–39). Так, нагота для людей не то же самое что для животных. Животные ходят без одежды, но это не доставляет неудобств ни им самим, ни наблюдающим

за ними людям. Голый зверь не выглядит непристойно, мы едва ли замечаем его наготу, как если бы он был защищен от нашего неприличного раздевающего взгляда самой природой. С другой стороны, в мире человеческих существ, как говорит Батай, «нагота имеет смысл если не полной непристойности, то соскальзывания к ней» (Батай 2007: 118), но она соскальзывает к непристойности именно потому, что раскрывает запретную животность людей, которая прячется в одеждах. Более того, он утверждает, что «непристойность есть всего лишь та естественная животность, на ужасе перед которой основана наша человечность» (Батай 2007: 118).

Обращение к Батаю нужно мне здесь для того, чтобы пересмотреть перспективу интерпретации секса как того, что трансформирует животных в людей (а не наоборот). Именно негативная, опосредованная, ритуализированная сексуальность приводит нас в так называемый человеческий мир. Сексуальное взаимодействие, можно сказать, инициирует нас в качестве человеческих существ. У Батая эта трансформация представляет собой историческую драму, послужившую началом человеческого рода. Блестящая иллюстрация этой точки зрения — фильм Нагисы Осимы «Макс, Моя Любовь» (1986). Главная героиня фильма влюблена в самца обезьяны, которого зовут Макс. Ее муж начинает ревновать, но не может сдержать любопытства. Он хочет увидеть, как обезьяна и женщина делают это. В отсутствие жены он приводит к Максусу проститутку. Животное, однако, не проявляет к ней никакого интереса. Тогда она пытается соблазнить его, предлагая яблоко, — но он отказывается и от фрукта тоже.

Все символическое различие между человеком и животным, на котором основана христианская западная культура, — здесь, в этом яблоке: если животное примет его, оно займется сексом с проституткой, познает добро и зло и будет в конце концов изгнано, нагое и непристойное, из своего невинного животного Рая. Его потомки будут в поте лица трудиться, в муках рожать детей, вести войны, устраивать революции и все время запрещать себе заниматься любовью: интенсивность их оргазма будет зависеть от нарушения этого самого запрета. Эротизм вносит вклад в антропогенез — это один из основных тезисов Батая.³ Вертикальное и непристойное человеческое тело хочет разрядки за весь христианский мир, вращающийся вокруг первоначального греха.

³ Подробнее тема эротизма у Батая раскрывается в моей книге (Тимофеева 2009).

II

Теперь я обращаюсь к другой интересной перспективе, в сравнении с которой радикальная негативная антропология Батая остается частью так называемой буржуазной культуры. Уникальный взгляд на человеческую сексуальность производится из исторического и телесного опыта чего-то иного, чем капитализм, каким бы катастрофическим или эфемерным это отличие ни было. Он происходит из авангардного порыва к изменению всей вселенной вместе с самой природой человеческого и животного, изменению самой природы природы (взорвавшего мозг некоторых русских сразу после Октябрьской революции 1917 г.). Идея была не в том, чтобы освободить человеческую сексуальность или освободить людей через сексуальность, — как предлагал Вильгельм Райх и другие фрейд-марксисты, которые искали причины угасания революции в Советском Союзе в провале сексуальной эмансипации (Райх 1997: 205–347), — но в том, чтобы освободить людей *от* сексуальности.

«Что делать с сексом?» Таков был один из самых важных вопросов нарождавшейся советской культуры. В послереволюционные годы различные решения этого вопроса намечались, предлагались, сознательно применялись народом или насильственно навязывались государством в повседневной практике — вплоть до так называемой сталинской реставрации, которая вернула традиционные семейные ценности и сексуальные ограничения. Множество исследований посвящено тенденциям, движениям и решениям, которые имели место в этот короткий период (напр.: Naiman 1997). Я не могу дать полный обзор парадоксов провала сексуальной революции в России (замечу лишь, что она коллапсировала по причинам, отличным от тех, что погубили западную сексуальную революцию 1960–1970-х гг., которая происходила в условиях капиталистической экономики и была поглощена процессами производства и потребления телесного удовольствия) и сфокусируюсь исключительно на позиции по вопросу сексуальности Андрея Платонова, причем лишь на одном ее частном моменте.

В коротком критическом эссе «Достоевский» (1920) Платонов пишет: «Буржуазия произвела пролетариат. Пол родил сознание. Пол — душа буржуазии. Сознание — душа пролетариата. Пол и буржуазия сделали свое дело жизни — их надо уничтожить» (Платонов 2011а).

Каждое предложение в этой цитате заслуживает развернутого комментария. Если идея о том, что буржуазия породила пролетариат, знакома всякому, кто хоть раз слышал о «Манифесте коммунистической партии», то пол, рождающий сознание, производит неожиданное смещение в марксистском представлении о порядке вещей. Здесь, как и в некоторых других аспектах, Платонов, кажется,

довольно близок к Батаю⁴ с его утверждениями об эротизме как о том, что превращает животное в человека: он признает исключительный трансформативный потенциал секса. Однако у Платонова сознание — совсем не обязательно человеческое. Сознание есть душа пролетариата, говорит он. У буржуазии тоже есть душа, и это пол. И пол, и сознание — *души*. Разделительная линия, место, где совершается переход, точка невозврата, располагается не между человеком и другими животными, но между двумя душами: душой пролетариата и душой буржуазии. Имеет место момент трансформации, или даже *метаморфозы*, одной души в другую, пола в сознание. Тогда буржуазия — это, так сказать, тело пола, она настолько продуктивна и исторически необходима, насколько продуктивен и исторически необходим пол, но ее дело сделано, а значит, ее время закончилось: новое тело уже родилось там, где обитает сознание. Для коммуниста секса нет.

Я позволю себе небольшое отступление, чтобы поделиться некоторыми соображениями о том, как в этом контексте следует понимать слово «душа». Платонов — своего рода стихийный аристотелик. В частности, душу он понимает как животную жизнь. По замечанию Юджина Такера, значение аристотелевской *anima* определяет главным образом не столько *zoe* или *bios* (как полагает Агамбен), сколько *psyche*: *psyche* — вот принцип-жизни, то, что оживляет животное (*animates an animal*) (Thacker 2010: 13). Душа Платонова — не духовная субстанция, как в христианской традиции, а телесная. Животные не только двигаются, но превращаются одно в другое, и это превращение у Аристотеля принимает форму метемпсихоза (в который верили древние греки).⁵ В «Истории животных» Аристотель любопытным образом описывает этот процесс на примере бабочки: из гусеницы в куколку и далее в то крылатое создание, которое мы называем *psyche* или бабочкой (Аристотель 1996: V, 19). Аристотелевская душа — это бабочка.

У Платонова душа тоже животная. Она синонимична жизни. В повести «Джан» он описывает очень бедный народ, кочующий по пустыне в Средней Азии. Этот народ называет себя джан, что означает «душа» или «милая жизнь» (Платонов 1979: 161). Платонов говорит о «питании души» животным мясом, от чего у тела появляется собственная «добрая душа»: человеческая душа поедает животное тело, а человеческое тело поедает животную душу (Платонов 1979: 208–209). Душа перемещается из одного тела в другое, но более того, сама жизнь трансформируется: метемпсихозу сопутствует метамор-

⁴ Первое сравнение Платонова и Батая было сделано Томасом Зейфридом, который обсуждает их гностико-материалистические тенденции (Зейфрид 1998).

⁵ См.: (Bozovic 2000: 17); а также предварительные замечания о душе у Платонова (Timofeeva 2012: 136).

фоза. Душа у Платонова — субстанция жизни (и, в конечном счете, в условиях бедности и абсолютной нехватки материальных ресурсов та субстанция, из которой должен быть построен коммунизм).

В посвященной Платонову главе моей книги о животных я сравниваю его «бедную жизнь» с «голой жизнью» (Тимофеева 2011; Timofeeva 2012: 131–157) Агамбена, но ее также можно было бы назвать «голой душой». И да, у Платонова есть такой персонаж, он появляется в очень коротком сатирическом эссе «Душа человека — неприличное животное». В начале этого эссе Платонов пишет о коммунисте, у которого «в сердце зверь и душа свободна от белья и сапогов приличий» (Платонов 2011б). Зверь души обнажен в своем желании коммунизма. Более того, он неприличен. Причем неприлично не человеческое тело в своей животности, как у Батая, но человеческая душа, «чудесный зверь».

С другой стороны, в «Чевенгуре» (Платонов 1988) человеческая душа изображается как «евнух», бесстрастный наблюдатель, «маленький зритель», который живет внутри человека, но «никогда не находится в собственном теле» (Podорога 1991: 385). Евнух души — фигура кастрации (Магун 2010: 88) или, как пишет Валерий Подорога, воздержания и чистоты, основанных на одном фундаментальном запрете, а именно запрете мастурбации, «понятой достаточно широко, чтобы включить любые формы и артефакты сексуальных удовольствий» (Podорога 1991: 406). Между непристойностью зверя и холодностью евнуха идея о том, что пол — душа буржуазии, а сознание — душа пролетариата, становится еще более запутанной.

Как подчеркивают некоторые исследователи, в своем подходе к сексуальности Платонов постепенно смещается от радикального революционного аскетизма 1920-х гг., который представлял собой странную смесь из духовного порыва христианского гностицизма и коммунистического утопизма или нечто вроде сектанства, видящего в победе над сексом победу над смертью (Hanzen-Löwe 2009: 178), к реабилитации семьи и сексуальной жизни в своем позднем творчестве (Naiman 1998; Livers 2000). Его ранние радикальные тенденции являются также объектом пристального внимания феминистской критики, которая показывает, что Платонов ассоциирует женщину с буржуазией и приписывает ей всю вульгарность секса, разлагающего дело революции и затягивающего человечество назад в прошлое. Платонов, в особенности его раннее (досталинское, наиболее утопическое) творчество, обвиняется в мизогинии (Bullcock 2005). Здесь царит большая путаница, в частности потому, что в английских переводах Платонова слово *sex* обозначает как секс, так и пол, но в любом случае речь идет о чем-то, что (должно быть) преодолено. Я хочу, однако, предположить, что эта необходимость преодоления не связана с каким-либо презрением к сексу, асексуальностью (безразличием к сексу, отсутствием сексуального желания) или

антисексуальностью. Напротив, «темная страсть» важна, как не что иное.

Как было сказано ранее, согласно Платонову, пол рождает сознание. Строго говоря, речь не идет о гуманизации, поскольку и те, кто жили, скажем так, до сознания, были людьми (более того, в некоторых платоновских текстах животные и растения тоже люди: в их животных и растительных телах живет немая человеческая душа). Просто не каждое человеческое существо *сознательно* — например, буржуазия не сознательна, поэтому ей *нужен* пол, чтобы стать таковой. Антисексуально ли это? Нет. Секс — не просто реакционный феномен, но в первую очередь необходимая освободительная сила. Если бы не было секса, трансформация одной души в другую была бы невозможна.

Сверх того, в более широком смысле сознательный пролетариат, рождающийся из пола буржуазии, не свободен от желания. Просто он хочет не секса — он хочет коммунизма.⁶ Можно понять это как именно то неестественное желание, ту негативность, которая, согласно Жижеку, трансформирует саму субстанцию секса. Интенсивность этого политического желания выше интенсивности желания сексуального. Вообще говоря, у Платонова коммунизма хотят все живые существа, даже лопух,⁷ но они, так сказать, не знают, что хотят его, или не могут об этом сообщить. В пролетариате это желание сознательно, поэтому пролетарии способны произвольно перенаправлять энергию, извлеченную из сексуального воздержания, на построение общего коммунистического будущего. Хорошо это или плохо — здесь Платонов чрезвычайно неоднозначен: он знает, чего хочет лопух, но никто не знает, чего хочет сам Платонов (если он хоть чего-нибудь хочет), и *что он хочет сказать*. Как и все животные, платоновские пролетарии на самом деле испытывают сексуальное желание, но они постоянно откладывают его удовлетворение до тех времен, когда наконец реализуется их политический проект и новое общество будет построено: это откладывание — постоянный мотив его прозы.⁸

⁶ О желании коммунизма у Платонова см.: (Flatley 2008: 158–190; Jameson 1994: 97; Timofeeva 2015).

⁷ «Чепурный пощупал лопух — он тоже хочет коммунизма [...] на улицах растет отпущенная трава, которая наравне с пролетариатом терпит и жару жизни, и смерть снегов» (Платонов 1988: 404).

⁸ В своем эссе об отрицательной революции у Платонова Артемий Магун утверждает, что платоновское воздержание относится не столько к сексу вообще, сколько к оргазму как его кульминации. Откладывать значит сопротивляться достижению цели, а значит завершению определенного процесса, сопротивляться эсхатологии и движению времени к концу. Магун далее объясняет, что причина неприятия Платоновым секса — страх кастрации, символизированный фигурой женщины (Магун 2010).

В другом тексте я уже высказывала тезис о том, что платоновские большевики и коммунисты — это *животные революции* (Timofeeva 2012: 145–147). Животные — чувственные существа, желание которых не знает никакого (диалектического, интеллектуального, лингвистического и т. д.) прерывания или разрыва до его удовлетворения — или смерти (если они не получают того, что хотят). Животные Платонова не сдаются. Их желания невыносимы и отчаянны. Так, например, он описывает их в «Джане»:

Он знал прямые нестерпимые чувства диких животных и птиц. Они не могут плакать, чтобы в слезах и в истощении сердца находить себе утешение и прощение врагу. Они действуют, жалея утомить свое страдание в борьбе, внутри мертвого тела врага или в собственной гибели (Платонов 1979: 207).

Животные даже сладострастны: подобно буржуа, самые маленькие животные спешат любить друг друга, — и так жизнь упорствует и пытается поддерживать себя в ожидании лучшего будущего, как если бы секс был необходим буржуа и другим животным, чтобы поддерживать в теле жизнь, то есть душу. Они могут и не знать, чего хотят на самом деле, но мы-то, коммунисты, знаем. Сознательный пролетариат интерпретирует бессознательное животное желание политически, как желание коммунизма. Он даст волю своей сексуальности только, когда это основное политическое желание будет удовлетворено и наступит светлое будущее. «Нужно ждать еще пять или десять лет, чтобы наступил коммунизм, когда механизмы вступят в труд и освободят людей для взаимного увлечения», — говорит один из персонажей «Ювенильного моря» (Платонов 1988: 43). Такое животное не может заниматься любовью до того, как построен коммунизм, — это еще одна, не такая отчетливая, грань платоновского аскетизма, которая открывается через животность и усложняет изначальную идею уже одержанной победы сознания пролетариата над буржуазным полом.

Что-то должно связывать этих двух Платоновых — того, для которого сексуальность есть *fait accompli*, и того, который откладывает ее до коммунистического будущего (этот секс, который должен еще случиться, Платонов никогда серьезно не обсуждает — как будто откладывается даже сама мысль о нем). Что же происходит, скажем так, в переходный период между этими двумя сексуальностями? В качестве простого решения, конечно, сразу же напрашивается мастурбация — именно к ней и апеллируют некоторые исследователи, неверно интерпретируя памфлет «Антисексус» как ее скрытую апологию, при том что, в действительности, он является жесточайшей сатирой на мастурбацию. В «Антисексусе» Платонов безжалостно высмеивает капиталистическую идеологию эффективности и показывает ее

связь с контролем и калькуляцией сексуального наслаждения. Таково явное содержание пародийной брошюры, рекламирующей мастурбационный аппарат, успешно распространяемый в западных капиталистических странах, для советского рынка.

В своем важном анализе позиции авангарда по вопросу секса Михаил Золотоносов утверждает, что «Антисексус» Платонова представляет собой пародию не на капиталистическое, но, напротив, на советское общество, которое то насаждает в народе мораль аскетизма и полового воздержания, то вызывает к идее рационализации эмоциональной жизни и научной организации труда. Но это, по мысли Золотоносова, не просто пародия: на самом деле Платонов создает фантазию о тотальной онанизации некоего заморского капиталистического общества, чтобы противопоставить ее ограничениям коммунистов, одержимых фобией секса и мастурбации и идеями дисциплинирования коммунистических тел. Для Золотоносова это не только негативная пародия на реалии советской жизни, в «Антисексус» «вложен вполне серьезный гедонистический смысл»: памфлет представляет мастурбацию в качестве позитивной альтернативы аскетическим принципам, агрессивно вводимым коммунистической пропагандой и даже предвосхищает позитивное отношение к ней современной медицины (Золотоносов 1999: 472). Но не над этой ли зрелой и стерильной мастурбацией, которая сегодня так широко рекламируется, смеется Платонов?

В противовес этой «переворачивающей» интерпретации, согласно которой, грубо говоря, надо читать «коммунизм» вместо «капитализм» и «мастурбация — это хорошо» вместо «мастурбация — это плохо» (в духе Оруэлла), я отстаиваю наивное и буквалистское прочтение Платонова, которое представляет его не просто автором пародий — ныне принадлежащим истории — на общество, в котором он жил. То, что он говорил, недвусмысленно, прямо и ясно показывает, что он был мыслителем, опередившим свое время, интеллектуалом, чьи идеи актуальны сейчас как никогда.

Как подчеркивает Игорь Чубаров, «согласно Платонову, сексуальность в условиях буржуазной цивилизации по своей сути мастурбаторна» (Чубаров 2011: 244). «Антисексус», этот короткий текст, написанный в 1926 г., глубоко анализирует и диагностирует не столько социализм 1920-х гг., сколько современный капитализм. Само название памфлета «Антисексус» свидетельствует против мастурбации как гедонистического решения для репрессированной сексуальности советского народа просто потому, что аппарат, который в нем рекламируется, — *антисексуальный* (а мы помним, что коммунистический аскетизм,⁹ пропагандируемый Платоновым, не

⁹ Об аскетизме социалистического человека см. примечательное эссе Дьердя Лукача (Лукач 1937).

является антисексуальным). Мастурбация не аскетична. Она некоторым образом гедонистична, но: *мастурбация — это не секс, это антисекс*. Предназначение описываемого Платоновым аппарата в том, чтобы *предотвращать* секс. Посредством «Антисексуса» капиталистическое производство замещает секс (который неизбежно вызывает проблемы, поскольку требует участия других людей) мастурбацией (здоровой, безопасной, доставляющей удовольствие, безвредной, не требующей лишних финансовых затрат, соответствующей индивидуальным предпочтениям и т. д.). Существует некое родство между этой машиной и поясом целомудрия и другими архаичными антисексуальными приспособлениями — они служат одной цели. Ты трогаешь себя, чтобы не трогать других и чтобы они тебя не трогали. Перефразируя «Я против Антисексуса»¹⁰ Чарли Чаплина, я против мастурбации (что сразу делает меня персонажем Платонова).

Это, конечно, не популярная позиция. Сегодня мастурбация поощряется не только в медицине. Так, по мысли Уилсона, в современном капиталистическом обществе секс изменил свою функцию, но не с воспроизводства на получение удовольствия, как часто приходится слышать, а, скорее, с диадической на онанистическую: «Для все большего количества людей мастурбация становится главной формой сексуальной активности, если ее можно так понимать» (Wilson 1989: 136–137). После публикации «отчетов Кинси» (Kinsey 1998 ([1948], [1953])), а затем исследований Мастерса и Джонсона (Masters and Johnson 1966) мастурбация, прежде стигматизированная в христианской традиции, стала считаться безвредным, обыденным и даже целебным занятием. Польза мастурбации доказана и общепризнана: она не только способствует физическому здоровью и дает телу необходимую разрядку, обеспечивая душевный комфорт и, следовательно, нормализацию психики и общественную безопасность, но также является политически корректной и эмансипаторной. Мастурбируя, мы не нуждаемся во взаимодействии с живыми людьми, а это хорошо и для нас, и для них: наши фантазии никому не вредят — ни физически, ни психологически. Никакой зависимости, никакого недопонимания, никакого стыда, никаких разбитых сердец. Мастурбация дает строго индивидуальное удовлетворение и не нарушает права и границы другого, сексуальное желание и сексуальные фантазии которого не совпадают с нашими. Мастурбация не

¹⁰ «Я против Антисексуса. Тут не учтена интимность, живое общение человеческих душ» (Платонов 2010: 31). «Чаплин — одинокий голос гуманистического разума в тексте, который в остальном посвящен механизации интимной жизни. Но даже здесь есть некая амбивалентность», — комментирует этот фрагмент Аарон Шустер (Schuster 2013: 46).

просто в мейнстриме,¹¹ она парадигматична, она дает брутальный ответ, используя немой язык знаков, на лакановскую формулу «сексуальных отношений не существует» (Лакан 2011: 14).

В своем эссе о Платонове Жижек описывает гаджет под названием «Прибор для тренировки выносливости» (*Stamina Training Unit*), имеющийся сегодня на рынке и очень похожий на тот, что представлял себе Платонов:

Этот продукт доступен в различных цветах, разной плотности и разных формах, которые имитируют все три основные отверстия для сексуального проникновения (рот, вагина, анус). Что здесь приобретается — так это просто частичный объект (эрогенная зона) сам по себе, без такого доставляющего неудобства бремени, как весь человек (Žižek 2012a: 10).

С учетом этого факта, который точно указывает на корень проблемы, глубокая интуиция Платонова приводит нас к заключению о том, что капитализм сам по себе антисексуален — вместе с подпадающими подсчету, здоровыми мастурбаторными удовольствиями, которые он предоставляет. «Мастурбация есть сущность дисциплинарного общества, в котором время — деньги», — говорит Уилсон (Wilson 1989: 136). Но что если управление этим обществом представляет собой, как говорит Аарон Шустер, «невидимое рукоблудие рынка» (*invisible 'handjob' of the market*) (Schuster 2013: 42)? Не являются ли многообразные сексуальные игрушки, наводняющие современный рынок, в то же время антисексуальными игрушками? А над всеми ними — капитализм, универсальное антисексуальное устройство, которое предотвращает реальный секс, заставляя нас «мастурбировать с живым партнером» или без (Žižek 2008).¹²

Роль, которую такие объекты, как замечает Жижек, играют в капиталистической экономике удовольствия, нельзя недооценивать. Искусство частичных сексуальных объектов называется порно. Оно предназначено для мастурбации.¹³ Мы принимаем порно за секс, а мастурбацию — за любовь. Капитализм — общество одиночек, которые мастурбируют на порно, мечтая о любви. Мы извергаем семя на свалку частичных объектов, органов без тел и тел без душ, мечтая о сексе. Капитализм заставляет нас концентрировать свое внимание

¹¹ См.: (Attwood 2009), в особенности гл. 5: “Mainstreaming of Masturbation: Autoeroticism and Consumer Capitalism”.

¹² «Термин “мастурбация” может отсылать не только к ситуации, когда человек один, но и к ситуации, в которой два (или более) индивида вовлечены в ту или иную форму сексуальной активности» (Wilson 1989: 136).

¹³ Марксистский и феминистский анализ порно, мастурбации и капитализма см. в: (Wilson 1989: 130–199; Soble 1986).

на экране визуальной репрезентации, где эти объекты выставлены напоказ для нашего удовольствия.

Война — идеальная машина по производству частичных объектов для нужд большого капиталистического онанизма (*great capitalist handjob*). Визуальные, материальные свидетельства войны — расчлененные тела и разбросанные конечности, раздвинутые ноги и раскинутые руки, груди, открытые рты без лиц. Порнография войны кроит лекала для других форм порно, включенных в капиталистическое производство и потребление удовольствий. Это одна из функций войны в капиталистической либидинальной экономике. Другая функция также служит общей цели предотвращения секса: война разделяет потенциальных партнеров, солдаты не возвращаются к своим невестам, они теряют руки до того, как смогут, вернувшись, обнять своих любимых.¹⁴ Вот почему лозунг «Занимайтесь любовью, не войной!» бьет мимо цели: нет никакого выбора между войной и занятием любовью. Мы хотим, но просто не можем заниматься любовью, пока есть война мы можем только мастурбировать.

Разумеется, война как таковая не связана с капитализмом, войны были и раньше. Но функционирование капиталистической экономики зависит от некоего нового типа империалистической войны с участием множества игроков, которая странствует по миру — из Вьетнама в Афганистан, из Ирака в Палестину, из Украины в Сирию. Война продолжается, несмотря на то что технологически мир вполне готов к миру. Как подчеркивала еще в 1913 г. Роза Люксембург, войны, вызванные экспансией и борьбой за новые рынки, обеспечивают позитивную циркуляцию капитала, то есть приносят прибыль (Люксембург 1934). Но эти войны нового типа также участвуют в производстве нового типа воображаемого: они широко освещаются СМИ, входят в нашу жизнь сериями образов, которые мы потребляем с потоком информации. В этом смысле война в условиях капитализма представляет собой конвейер по производству частичных объектов для нашей мастурбации или по производству частичных объектов из нас — для мастурбации других. Машина войны — это, стало быть, еще один антисексус, который заставляет нас мастурбировать, смотря порно, даже не с живыми, а с мертвыми (или мертвоживыми — *un-dead*) партнерами, чтобы не дать нам заняться любовью друг с другом. Почему? Нижеследующий аргумент представляет собой что-то вроде животного перекрестного прочтения Платонова и Батая во время войны в условиях капитализма.

С одной стороны, в мысли Батая о роли секса в процессе превращения животного в человека есть важное рациональное зерно, но

¹⁴ См. диалог-перформанс с Николаем Олейниковым «Любовь во время войны: секс, звери, насилие» (*Making Love in Wartime: Sex, Beasts, Violence*) (Timofeva and Oleynikov 2014).

его тезис о том, что это историческое событие, имевшее место в далеком прошлом, остается подвешенным. Что если мы еще никогда не были людьми?¹⁵ Что если трансформативное событие секса еще не произошло? С другой стороны, не все ясно с платоновской идеей секса, производящего сознание. Опять же, не следует поспешно соглашаться с его утверждением о том, что это уже свершилось — как будто мы уже живем при коммунизме, где правит не сексуальность, а сознательная творческая активность. Радикальный революционный аскетизм отвергает антисексус или мастурбацию, чтобы поддерживать жизнь коммунистической фантазии.

Что если третья позиция Платонова, нечто вроде переходной точки между оставшимся в прошлом буржуазным (преодоленным) и будущим коммунистическим (отложенным) сексом, никоим образом не восхваляя мастурбацию, которая оказывается чувственной соучастницей капиталистического механизма извлечения прибыли из ведения войн, может быть описана как предчувствие, фантазирование о преодолении секса при одновременном откладывании его до лучшего будущего, где он наконец родит сознание? А что если мы просто добавим «что если» к утверждению о том, что секс уже произвел сознание и потому должен быть упразднен? Тогда оно превратится даже не в регулятивную идею, а в предчувствие, которое привнесет содержание в наше все еще бессознательное (постольку, поскольку мы все еще буржуа, все еще животные и т. д.) политическое желание, которое мы можем испытывать пока только как сексуальное, поскольку иное нам неведомо. Мы все еще ждем секса, все еще хотим его, и так мы предчувствуем коммунизм.

Итак, капитализм и война мобилизируют порно, чтобы заставить нас мастурбировать с живыми, мертвыми или мертвоживущими партнерами и не давать нам заниматься сексом (в платоновском смысле взаимной страсти, которую мы откладываем), потому что секс, желание которого есть предчувствие коммунизма, представляет опасность. Будь у нас секс, он, как полагает Платонов, мог бы родить сознание, а с ним и новое человечество, которого еще никогда не было, — как волшебный поцелуй в сказке превращает лебедя или лягушку в принцессу, а яблоко, предложенное проституткой, делает из обезьяны человека. Но сперва этот поцелуй разбудит неприличного зверя нашей души, который, сняв с себя одежды, вдруг захочет коммунизма. «Неурегулированный пол есть неурегулированная душа» (Платонов 2010: 26), — заявляют сторонники «Антисексуса».

¹⁵ «Мы никогда не были людьми» (*We have never been human*) — фраза Донны Харауэй: это название первой главы ее книги “When the Species Meet” (Haraway 2008). Она, в свою очередь, перефразирует «Мы никогда не были современными» (*We Have Never Been Modern*) Бруно Латура (опубликованный русский перевод: «Нового времени не было» (Латур 2006)).

Их машина предназначена для того, чтобы избавиться от неприличного зверя, который приходит в мир вместе с человеческой животной душой. Капиталистические правительства отправляют солдат на войну и заставляют потребителей мастурбировать, чтобы исключить всякую возможность метаморфозы, чтобы предотвратить магию любви, которой мы никогда не занимались. Одной из главных составляющих нашего сексуального желания, из-за которой оно никогда не может быть полностью удовлетворено, является эта действительно политическая фантазия о некапиталистической любви, которая нужна для того, чтобы пробудить нас от забвения мастурбации, капитализма и войны — к сознательной человеческой жизни. Только такого секса я хочу.

Перев. с англ. Георгия Копылова

Библиография

- Аристотель (1996). *История животных*. М.: РГГУ.
- Батай, Жорж (2007). *История эротизма*. СПб.: Логос.
- Батай, Жорж (2000). *Теория религии. Литература и зло*. М.: Современный литератор.
- Зейфрид, Томас (1998). «Смрадные радости марксизма: Заметки о Платонове и Батае». *Новое литературное обозрение* 32: 48–59.
- Золотоносов, Михаил (1999). «Мастер и мастурбация: онангардистская фантазия Андрея Платонова “Антисексус”». В кн.: *Слово и тело: сексуальные аспекты, универсалии, интерпретации русского культурного текста XIX–XX веков*, под ред. Михаила Золотоносова. М.: Ладомир.
- Лакан, Жак (2011). *Еще. Семинары, книга XX (1972/1973)*. М.: Гнозис; Логос.
- Латур, Бруно (2006). *Нового времени не было*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Лукач, Дьердь (1937). «Эммануил Левин». *Литературное обозрение* 19–20: 55–62.
- Люксембург, Роза (1934). *Накопление капитала*. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство.
- Магун, Артемий (2010). «Отрицательная революция Андрея Платонова». *Новое литературное обозрение* 106: 65–95.
- Маркузе, Герберт (2003). *Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества*. М.: АСТ.
- Олейников, Николай (2013). *Секс угнетенных*. М.: СвобМарксИзд.
- Платонов, Андрей (2010). «Антисексус». В кн.: Платонов, Андрей, *О любви*. М.: Эксмо.
- Платонов, Андрей (1979). *В прекрасном и яростном мире. Повести. Рассказы*. Л.: Лениздат.
- Платонов, Андрей (2011а). «Достоевский». *Творчество Андрея Платонова*. <http://platonov-ap.ru/publ/dostoevsky>.

- Платонов, Андрей (2011б). «Душа человека — неприличное животное». *Творчество Андрея Платонова*. <http://platonov-ap.ru/publ/dusha-cheloveka>.
- Платонов, Андрей (1988). *Ювенильное море: Повести, роман*. М.: Современник.
- Райх, Вильгельм (1997). *Сексуальная революция*. СПб.; М.: Университетская книга; АСТ.
- Тимофеева, Оксана (2009). *Введение в эротическую философию Жоржа Батая*. М.: Новое литературное обозрение.
- Тимофеева, Оксана (2011). «Бедная жизнь: зоотехник Високовский против философа Хайдеггера». *Новое литературное обозрение* 106: 96–113.
- Фрейд, Зигмунд (1998). *По ту сторону принципа наслаждения. Я и оно. Неудовлетворенность культурой*. СПб.: Алетейя.
- Чубаров, Игорь (2010). «Смерть пола, или безмолвие любви (образы сексуальности и смерти в произведениях Андрея Платонова и Николая Федорова)». *Новое литературное обозрение* 107: 231–252.
- Attwood, Feona, ed. (2009). *Mainstreaming Sex: The Sexualization of Western Culture*. London: I. B. Tauris & Co.
- Bozovic, Miran (2000). *An Utterly Dark Spot: Gaze and Body in Early Modern Philosophy*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Bullock, Phillip (2005). *The Feminine in the Prose of Andrey Platonov*. Oxford: Legenda.
- D'Souza, Dinesh (1999). *Ronald Reagan: How an Ordinary Man Became an Extraordinary Leader*. New York: Simon and Schuster.
- Flatley, Jonathan (2008). *Affective Mapping. Melancholia and the Politics of Modernism*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Jameson, Fredric (1994). *The Seeds of Time*. New York: Columbia University Press.
- Hansen-Love, A. A. (2009). «“Антисексус” Платонова и антигенеративная поэтика». *Wiener Slawistischer Almanach* 63: 167–190.
- Haraway, Donna (2008). *When Species Meet*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Kinsey, Alfred C., Wardell Baxter Pomeroy and Clyde E. Martin (1998). *Sexual Behaviour in the Human Male* [1948]. Bloomington, IN: Indiana University Press.
- Kinsey, Alfred C., Wardell Baxter Pomeroy and Clyde E. Martin (1998). *Sexual Behaviour in the Human Female* [1953]. Bloomington, IN: Indiana University Press.
- Lacan, Jacques (1971). *Ecrits II*. Paris: Seuil.
- Livers, K. (2000). “Scatology and Eschatology: The Discovery of the Flesh in Andrey Platonov’s ‘Happy Moscow’”. *Slavic Review* 59.1: 154–182.
- Masters, W. H and Virginia Johnson (1966). *Human Sexual Response*. New York: Bantam Books.
- Naiman, Eric (1998). “Andrei Platonov and the Inadmissibility of Desire”. *Russian Literature* 23.4: 319–365.
- Naiman, Eric (1997). *Sex in Public: The Incarnation of Early Soviet Ideology*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Nagisa Oshima, dir. (1986). *Max, Mon Amour*. Paris: Toho.
- Rowlands, Mark (2012). *Animals Like Us*. London: Verso.
- Ryder, Andrew (2010). “Inner Experience is Not Psychosis: Bataille’s Ethics and Lacanian Subjectivity”. *Parrhesia* 9: 94–108.

- Schuster, Aaron (2013). "Sex and Anti-Sex". *Cabinet* 51: 41–47.
- Soble, Alan (1986). *Pornography: Marxism, Feminism and the Future of Sexuality*. New Haven: Yale University Press.
- Thacker, Eugene (2010). *After Life*. Chicago: University of Chicago Press.
- Timofeeva, Oxana and Oleynikov, Nikolay (2014). *Making Love in Wartime: Sex, Beasts, Violence*. YouTube video, 37:28, from a conference on Political Violence and Militant Aesthetics after Socialism "No Radical Art Actions Will Help Here..." St. Petersburg, September 20, 2014. Posted by "Manifesta Foundation", October 23, 2014, <http://www.youtube.com/watch?v=uFJUm6Z7wBE>.
- Timofeeva, Oxana (2012). *History of Animals: An Essay on Negativity, Immanence, and Freedom*. Maastricht: Jan van Eyck.
- Timofeeva, Oxana (2015). "Unconscious Desire for Communism". *Identities: Journal for Politics, Gender, and Culture*, 11, 32–48.
- Tuck, Greg (2009). "Mainstreaming of Masturbation: Autoeroticism and Consumer Capitalism." In *Mainstreaming Sex: The Sexualization of Western Culture*, ed. Feona Attwood, 77–93. London: I. B. Tauris & Co.
- Wilson, T. H. (1989). *Sex and Gender: Making Cultural Sense of Civilization*. Leiden: E. J Brill.
- Žižek, Slavoj (2008). "Short Survey. Interview with Rosanna Greenstreet". *The Guardian*, August 9.
- Žižek, Slavoj (2012a). "From Animal to Stamina Training Unit." In Timofeeva, Oxana, *History of Animals: An Essay on Negativity, Immanence, and Freedom*, Maastricht: Jan van Eyck, 6–10.
- Žižek, Slavoj (2012b). *Less than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism*. London: Verso.